

Интервью записано: *Guillaume Erard*

Источник <http://www.guillaumeerard.com/fr/aikido/interviews/interview-with-christian-tissier-shihan.html>

Перевод с французского: Антон Коронелли

Господин Тиссье, добрый день. Всем уже хорошо известна история Вашей молодости и многолетних тренировок в Японии, поэтому, чтобы не обращаться в очередной раз к

этой же теме, я хотел бы расспросить Вас о Вашем подходе к практике айкидо. Во время тренировки, наблюдая со стороны за тем, как вы выполняете технику, обращаешь внимание на амплитудные и грациозные движения. Является ли стремление к эстетической привлекательности существенным компонентом Вашего айкидо?

Выполняя технику, я не стремлюсь сделать это красиво. Смысл айкидо заключается в поиске идеально чистого движения, не смотря на те преграды, которые создаёт для этого партнёр, исполняющий роль нападающего. Если это удаётся, то это происходит, когда мы находим максимально точное и экономичное движение и правильную позицию относительно партнёра. В результате, наши движения становятся всё более и более

чистыми. А чем более движение чистое, тем более оно естественное, а, следовательно, и привлекательное эстетически. Но мы не стремимся к красоте самой по себе. Айкидо – это искусство, боевое, конечно же, но искусство. Если, занимаясь, мы имеем это в виду, то неизбежно возникает стремление к всё более чистому движению. Внешняя эстетика – это результат этой работы.

Ваши движения во время тренировки выглядят очень легкими и свободными. Впрочем, и на семинаре, который Вы только что провели, Вы показали, как в ситуации, когда партнёр блокирует движение, можно сохранить эту свободу, перейдя к другой технике.

Это не совсем верно. Моё понимание боевого искусства, особенно в том, что касается обучения, заключается не в том, чтобы, когда движение заблокировано, говорить себе: «эта техника у меня не получается, поэтому я попробую какую-нибудь другую». Наоборот, если возникает проблема, я не пытаюсь обойти её стороной, но стараюсь найти решение. На семинаре я хотел показать – в частности, на примере коте-гаеши – что иногда мы не можем продолжить то или иное движение по самым разным причинам. Если это не получается, то на этом нет смысла настаивать, поскольку мы уже достигли предела этого движения. И в этот момент вдруг возникает новое движение, но оно не должно быть попыткой убежать от проблемы.

Возвращаясь к теме свободного движения, хочу заметить, что одна из тем Будо – это избавление от своих страхов. В желании стать сильнее всех на свете нет смысла. Надо просто работать над тем, чтобы избавиться от своих собственных страхов. Именно поэтому, мы не отстраняемся от партнёра, не пытаемся избегать взаимодействия с ним, вся наша обучения построена на том, чтобы избавиться от склонности к этому. Чем меньше остаётся у нас страхов, тем более мы способны вступать в контакт с окружающими, но это, конечно, не значит, что мы становимся неуязвимыми. Я думаю, что чем более совершенной, более чистой становится техника, тем в большей степени она позволяет работать над собой и разбираться со своими страхами и тем в большей степени она

становится способом взаимодействия с партнёром. Из всего этого рождается свобода движения.

К вопросу о взаимодействии. Вы делаете акцент на взаимодействии партнёров, каждый из которых способствует совершенствованию другого. Но для многих это выглядит так, как будто уже должен поддаваться тори.

Представлять это взаимодействие таким образом, значит совершенно неверно интерпретировать его смысл. Ни одна система обучения не может обойтись без определённых правил. Если мы соберёмся поиграть в теннис, то я приду на площадку с ракеткой. Но если Вы вместо этого принесёте бейсбольную битку, нам будет непросто посылать друг другу мяч. Следовательно, чем бы мы ни занимались, мы должны сначала договориться об определённых параметрах. Мы надеваем белое кимоно – это одна из таких договорённостей, мы занимаемся на татами – это тоже договорённость. И если мы можем потом начать занятие с захвата катате-дори в статичном положении, то это

возможно потому, что мы договорились об этом, поскольку партнёр не тянет, не толкает и не бьёт. Он позволяет мне работать. Таким образом, мы договариваемся о ситуации, относительно которой можем выстроить технику. Конечно, вначале нет никакого чувства взаимодействия. Например, если мы считаем, что движение тенкан должно быть связано с центром, то сначала это всего лишь разворот, может быть, с понимаем, что в результате оба партнёра оказываются лицом в одну сторону, но без какого-либо взаимодействия между ними. Но если у Вашего уке уровень повыше, то он создаст ситуацию, которая поможет Вам понять, каких ощущений Вам следует искать.

Ну а затем, мы должны суметь заниматься и с тем, у кого другие правила или нет правил вообще, и это мне кажется самым интересным. Именно поэтому во время семинара я часто выбираю партнёров, среди тех, с кем я незнаком, среди начинающих, больших, высоких, тех, кто занимается карате или дзю-до и так далее. Я хочу показать, что техника будет работать и без тех договорённостей, о

которых я говорил, тогда речь идёт о применении техники к ситуации. Но вначале, прежде чем мы придём к этому, обучение возможно только при соблюдении этих договорённостей.

Конечно, существуют и другие подходы, иногда совершенно отличные от моего. Некоторые из них основаны на чёткости и строгости, но они бывают настолько связаны своими собственными правилами, что оказываются у них в плену и не могут освободиться. Очень жаль, что это так.

Если грубо обобщить, то можно сказать, что в айкидо есть два фундаментальных принципа: ирими и тенкан. Когда я наблюдал за вами, у меня сложилось впечатление, что Вы делаете акцент на принципе тенкан и отдаёте предпочтение спиралевидным движениям. Это намеренный выбор, или же такой тип движений просто больше Вам подходит?

Не знаю, но, честно говоря, сам я ощущаю, что моё айкидо основано, скорее, на принципе ирими. Возможно, это не бросается в глаза, потому, что моё понимание ирими заключается не в том, чтобы совать руку в лицо партнёра, как только он предоставит мне такую возможность. Принцип ирими, это значит, прежде всего, оказаться в сердце движения. Это ощущение во многом связано с занятиями кендзюцу (Касима Синрю – прим. автора), где все техники очень прямолинейны. Ну и потом, конечно, всё зависит от того, какой смысл Вы вкладываете в Ваше определение понятий ирими или тенкан. Но для меня, для хода моих мыслей, более присуще ощущение ирими, чем тенкан.

Что касается, спиральных движений, то это тоже проявление принципа ирими. У всякой спирали есть своя ось. Как только мы находим идеальную позицию, она становится осью для вращения, движение ускоряется, но в конце мы опять входим в центр движения, и это самое настоящее проявление ирими!

Вы часто говорите о том, что айкидо – это система образования, совершенствования, основанная на единоборстве. Какие качества могут развить в себе занимающиеся айкидо?

Ну, это, конечно, очень индивидуально. Но, говоря об айкидо, как о такой системе, мы должны помнить, что в своей основе айкидо – это боевое искусство. И именно такую основу мы выбираем для себя. Мы могли бы сделать другой выбор, заняться живописью, скульптурой, дзен-медитацией и много чем ещё. Не знаю, может быть, к занятиям боевым искусством влечёт тех, кто любит драться или ощущать противостояние. Во всяком случае, мы решили, что хотим заниматься боевым искусством. Боевому искусству по определению присущи категории противодействия и расплаты за свои ошибки. Вся наша система, целью которой является развитие человеческой личности, базируется на этом представлении о боевом искусстве. Именно поэтому, на каждую нашу ошибку нам будет указано, либо своим учителем, либо невозможностью выполнить технику. Но поскольку мы находимся на татами, эта ошибка не становится фатальной, но даёт нам возможность начать заново. Надо пользоваться этой возможностью, не ради того, чтобы снова сделать ту же ошибку, но с тем, чтобы найти движение, в котором эта ошибка будет исправлена.

Я не согласен с теми, кто говорит, что прогрессировать в чём то – значит, делать это всё лучше и лучше. Для меня, прогрессировать – означает делать всё меньше и меньше ошибок, оттачивать свои движения и не допускать оплошностей. Вот в чём заключается смысл будо – в том, чтобы ни словом, ни действием, ни в силу своего смятения, не давать никому ни повода, ни возможности для нападения на вас. В одной из своих книг я процитировал слова, которые были написаны на фронтоне школы этикета Огасавара: «когда вы правильно сидите в идеальной позиции, даже самый большой грубиян вас не обеспокоит». Наше собственное поведение определяет, насколько мы уязвимы для других.

Изучение боевого искусства даёт нам то, что я называю «неизменными принципами пути», к которым можно отнести правильную позицию, контроль дистанции, умение видеть ситуацию. Эти три составляющие взаимосвязаны. Их не слишком сложно воплотить на практике, и, может быть, этого уже достаточно, чтобы говорить о боевом искусстве. Однако при этом ещё ничего не происходит, мы ещё не начали двигаться. Чтобы возникло движение, мы должны обратиться к следующему естественному принципу, то есть техническим приёмам. Почему я говорю, что это естественный принцип? Потому, что люди всегда стремились разработать техники, как способы упростить выполнение той или иной задачи. Однако, изучая технику, мы не должны забывать о тех принципах, которые я перечислил раньше, техника добавляется к ним.

Правильно выполненная техника подразумевает экономию движения и энергии. Вот, к чему надо стремиться.

Дальше Вы добавляете другие принципы, такие, как принцип взаимодействия, поиск чистоты движения и так далее. Думаю, существуют и такие принципы айкидо, которые ещё не были нами открыты, но тоже относятся к числу естественных, и когда-нибудь, возможно, смогут обогатить нашу систему.

Кстати о принципах. В айкидо часто говорят о Ки, о направлении энергии, однако Вы редко об этом упоминаете.

Да, я об этом не говорю, прежде всего, потому, что это вводит в заблуждение. На своем веку в айкидо я встречал многих учителей и, должен сказать, что самая слабая техника часто бывает у тех, кто больше всего говорит про Ки. Конечно, это не относится ко всем без исключения, но Ки это нечто неосознаваемое, что никак нельзя оценить.

Ки присуще всем, Ки есть повсюду, мы либо умеем этим пользоваться, либо нет. Основная проблема заключается в том, что можно назвать свободным движением Ки. Если мы вернёмся к словарному смыслу слов, то помимо Ки, мы говорим о кокию, кокию – это проводник Ки. В переводе кокию означает дыхание, но если быть точным, то, на самом деле, имеется в виду обмен, взаимодействие, в том же смысле, в котором можно говорить об обмене между дождём и солнцем, днём и ночью и так далее. Ки приводится в движение дыханием такого рода.

Если, когда вы занимаетесь, вы напряжены с ног до головы, никакого движения Ки не будет, что бы вам ни говорил ваш специалист по иглоукалыванию. То же самое, если ваша техника несовершенна. Поэтому, те, у кого действительно есть Ки, этого не чувствуют, потому что для них всё происходит естественно. Конечно, можно разработать специальные упражнения, заниматься ци-гун с тем, чтобы специально работать над дыханием. Или же целенаправленно работать над гибкостью, расслаблением или чем-то ещё. Но зачем? Я считаю, что айкидо – это целостная система, которая была хорошо продумана, поэтому нет смысла в том, чтобы отдельно концентрироваться на каком-то одном аспекте, отнимая время у тренировок. Если кто-то хочет поработать именно над гибкостью, может быть, стоит обратиться к специалисту по гимнастике. То же относится и к дыханию. Но не надо всё смешивать.

Так что, я предпочитаю не говорить слишком много про Ки. Я нахожу, что разговоры на эту тему слишком часто сбивают с толку.

Таким образом, Ваша позиция заключается в том, чтобы отдать предпочтение работе над техникой.

Да, потому что техника раскрепощает тело! Если тело раскрепощено и если мы освободились от страхов, которые сковывают сознание, движения становятся более плавными, что создаёт условия для кокию. Если к этому добавить ощущение намерения, то Ки возникнет само собой.

Всем известно, что Вы были близким учеником Ямагучи-сенсея. Можно ли сказать, что Ваше айкидо отличается от его стиля, или же оно является его точным отражением?

У меня было два основных учителя, оказавших на меня большое влияние. Это второй Дошу Киссэмару Уесиба, прежде всего в том, что касается базовой техники, и Ямагучи-сенсей, в отношении техники в целом и во многом другом: в ощущении свободы движения, применения техники, в упорных тренировках. Я относился к нему, как к отцу, и в конце жизни он даже подыскивал себе дом на Лазурном берегу, чтобы жить недалеко от меня. Так вот, возвращаясь к вашему вопросу, я не знаю, можно ли сказать, что то, что я делаю – это стиль Ямагучи или нет, как преподаватель я не ставлю перед собой такой цели. К тому же, он не хотел, чтобы кто-то становился рабом его техники, и я не сомневаюсь, что ему бы не понравилось, если бы я стал его клоном. Главное, что я впитал принципы, которые он мне передал.

Некоторые противопоставляют до- и послевоенное айкидо, старое и современное. Что об этом думаете Вы, человек, сыгравший большую роль в развитии айкидо во Франции? Какие изменения произошли в айкидо?

Это забавный вопрос, потому, что когда я вернулся из Японии, все стали говорить о том, что то, что я делал, это какое-то другое айкидо. Однако ведь я вернулся после семи лет, проведённых в айкикае, и у меня было такое впечатление, что наоборот, это те, кто оставался во Франции, занимались чем-то другим. Я же делал только то, чему научился в хомбу-додзё. Я не придумывал техник. Кроме того, я пользовался признанием среди тех, кто занимался вместе со мной, меня считали непосредственным учеником Дошу, я был очень близок к Ямагучи-сенсею, так что, честно говоря, я не считаю себя человеком, изменившим практику айкидо.

Не надо путать свои собственные представления об айкидо с тем, чему на самом деле учат в айкикае. Когда я попал в Японию, у меня был второй дан, до этого я занимался у Накадзано-сенсея и посещал все летние семинары Тамуры-сенсея. Так что, мне казалось, что у меня уже был неплохой уровень. Но, оказавшись в Хомбу-додзё и увидев Дошу, я был озадачен. То, что я увидел, не было похоже на то, к чему я привык, и мою уверенность в себе мне пришлось пересмотреть. Однако могу сказать, что сначала увиденное мне не понравилось. Мне казалось, что Дошу топчется на одном месте. На самом деле, я не понимал того, что было для меня непривычно. Иногда впечатление, что айкидо изменилось, может возникать из-за разрыва между нашими представлениями и тем, что происходит на самом деле.

Однако кое-что действительно меняется: меняются сами преподаватели и это вполне естественно. Я помню Миямото-сенсея во времена, когда я был в Японии: он всегда стремился только к тому, чтобы сломать партнёра. Никто, за исключением нескольких человек, в том числе и меня, не хотел с ним заниматься. Теперь же я вижу приятнейшего человека, который всегда аккуратен со своим партнёром по тренировке, но ведь ему шестьдесят. Так что, он изменился, как и все остальные. Я хочу сказать, что когда вам двадцать лет, то и на татами вам должно быть двадцать, а уж потом изменится и то, как вы занимаетесь и статус и возраст...

Наконец, правда и то, что айкидо развивается, как и любой другой вид человеческой деятельности. Это видно, если сравнить, как двигались партнёры-уке на заре айкидо с тем, как двигаются те, кто занимается сегодня и имеет иное представление о занятиях и техниках. Эти различия понятны, потому, что те первые уке пришли из дзю-до. Сегодняшние партнёры двигаются быстрее, более свободно, так что и техника не может

оставаться такой, как раньше. Так, что можно говорить и об изменениях, но я хочу привести один пример, чтобы пояснить свою мысль. Когда я был мальчишкой, мавашигири в исполнении даже третьеразрядного каратиста было способно привести нас в восхищение. А сейчас подростков, которые постоянно играют в компьютерные игры, этим не удивишь, даже если перед тем как ударить ногой ещё шесть раз развернуться вокруг своей оси. Молодых теперь ничем не удивишь, более того, их представления о боевых искусствах фантастичны и больше не связаны с реальностью. Подобно этому прогрессу воображения, изменилось и представление о техниках и об их применении.

К тому же, айкидо – это не застывшая форма. К счастью, его эволюция не прекращается, в противном случае, через пятьдесят лет от айкидо ничего не осталось бы. Неизменными остаются принципы.

Кстати о принципах и о молодом поколении, выросшем на компьютерных играх. Вы не ощущаете разрыва во взглядах и ценностях с его представителями?

Честно говоря, не знаю. Может быть и так, но, по-моему, молодые ребята, которые приходят в айкидо, со своей стороны очень стараются. По крайней мере, они принимают всю совокупность существующих правил, хотя в других обстоятельствах, они возможно с ними и не согласились бы. Они следуют этикету, они становятся частью группы, они занимаются. Может быть, мы выглядим для них динозаврами, но мне самым важным кажется то, как мы себя ведём, то какой мы подаём пример. Если со своей стороны, мы, будучи их преподавателями, способны разглядеть талантливых и заинтересованных ребят, то и они со своей стороны также способны увидеть, являетесь ли вы образцом для подражания, оправдан ли ваш авторитет или вы просто старый дурак. Я думаю, ключ к успеху в том, чтобы передать молодым смысл айкидо, заключается в общении, а не в том, чтобы им подыгрывать. Надо быть открытым и откровенным, вот и всё.

Что касается самих занятий, то не надо думать, что молодые не способны прилагать усилия. Парень, который серьезно тренируется, чтобы танцевать рэп или техно, будет так же серьезно заниматься айкидо, это ведь так же сложно.

Только что Вы вручили от лица Дошу диплом Сихана (Дени Леклеру, 7 дан, Бельгия – прим. автора), которым обладают немногие европейцы. Вы сами были одним из первых неяпонцев, кто получил этот титул. Связаны ли у Вас с этим какие-то особые воспоминания?

В моём случае всё было не так просто. Когда у меня был шестой дан, этот титул не был формализован. Бывало, что в разговорах в айкикае или Эндо-сенсей в своем письме ко мне обращались как «Тиссье-сихан», но ясности не было, поскольку это звание никак не присваивалось. В какой то момент на страницах «Айкидо Тудей» (американское издание, посвященное айкидо, издававшееся Сюзан Перри с 1983 по 2005 годы и закрывшееся после выхода 100-го номера – прим. автора) развернулась полемика, и на эту тему высказались Саотоме-сенсей и другие сиханы. После этого в айкикае решили внести ясность в этот вопрос, и звание сихан стало присваиваться официально.

Надо сказать, что звание сихан вручается либо конкретному лицу, либо стране, которую он представляет. Сегодня его получил Дэни Леклер, представляющий Бельгию. Это выражение признательности человеку, который очень многое сделал для айкидо, но, кроме того, это означает, что отныне он отвечает за его дальнейшее развитие в своей стране.

Конкретному человеку это звание даётся ради признания его достоинств и заслуг, а не для того, чтобы он отправился раздавать даны по всему миру. Однако некоторые именно так и так делают. В общем, это непростая тема...

Насколько мне известно, в мире сейчас около полутора десятка сиханов неяпонского происхождения, официально признанных айкикаем. Японцы по-прежнему следуют политике протекционизма в этом отношении?

Действительно, сиханов-неяпонцев немного. Конечно, протекционизм существует, в первую очередь, по отношению к айкикаю. Всем известно, сколько времени должно пройти до получения следующего дана, но это правило относится ко всем кроме учи-деши в хомбу-додзё... Они – «свои люди», и если они выезжают за границу, то их тоже быстро повышают в степени. Ну что ж, таковы правила игры, да и в любом случае всем известно кто чего стоит и неожиданностей в этой системе обычно не бывает. Впрочем, там хорошо понимают, на чём остановиться в случае с западными мастерами.

Учитывая то, как растёт количество занимающихся айкидо и преподавателей, не наступит ли когда-нибудь момент, когда можно будет сказать себе: «всё, теперь мы можем обойтись без японцев»?

Да, мы можем без них обойтись, как и они могли бы обойтись без Запада. Но не надо недооценивать существующее между нами взаимодействие.

Так, например, японцы бы не смогли обойтись без нас в отношении открытия айкидо для мира, создания организационной системы и международной федерации в завоевании авторитета за пределами своей страны. Надо отдавать себе отчёт в том, что обычно в Японии сенсея знают только те, кто занимается в его зале. Даже в хомбу-додзё он остаётся незаметным и занимается с небольшой группой. Там нельзя вообразить себе семинаров, в которых участвует по триста человек, всё далеко не так. Так что возможность приехать в Европу даже для «молодого» сенсея, которому пятьдесят лет, это возможность очень существенно укрепить свой авторитет.

В том, что касается собственно техники, то и в Европе, и в Соединённых Штатах есть люди, достаточно зрелые и компетентные, чтобы нести айкидо другим. Но мне кажется, что всегда интересно возвращаться к истокам, потому что это открывает другой подход к преподаванию.

Чего не хватает японцам, так это анализа айкидо. К счастью, это, конечно, относится не ко всем, но, как правило, педагогические способности не относятся к числу их сильных сторон. «Почему техника делается так или эдак? - Ну, потому, что это так». Вот типичное объяснение, которые вы получите в Японии. Такой учитель, возможно и не смог бы у нас получить диплом, дающий право на преподавание, хоть бы у него и был восьмой дан. У меня было много разговоров с Эндо-сенсеем на эту тему, несмотря на то, что он мой сэмпай. Он меня часто спрашивал, есть ли у той или иной техники вариант «ура». Картезианская логика и умение анализировать помогли нам очень быстро разобрать и систематизировать все техники и в этом смысле, мы многое можем дать японцам.

Со своей стороны, они принадлежат к иной культуре и по-другому подходят ко многим вопросам. В отношении разных тонкостей они иногда заставляют меня усомниться в своей правоте, и это подталкивает меня к дальнейшему развитию, поскольку всякое сомнение вынуждает нас возобновлять свой поиск. Короче говоря, в крайнем случае,

действительно, мы могли бы обойтись и без Японии, однако обе стороны при этом много бы потеряли.

Давайте вернёмся теперь во Францию и поговорим о FFAAA (Французская Федерация Айкидо, Айкибудо и родственных дисциплин). Многие признаются, что не совсем понимают, какое место принадлежит Вам в этой организации. Вас считают её руководителем, но не могли бы Вы поподробнее объяснить, в чём заключается Ваша роль?

Чтобы всё было совсем ясно, скажу, что я был у истоков FFAAA, даже название федерации выбрал я, и без меня, её бы не существовало. Однако это вовсе не является для меня предметом особой гордости, и я никогда не стремился к созданию федерации. Это стало результатом стечения обстоятельств. Прежде, чем мы вышли из федерации дзю-до, ко мне пришёл Тамура-сенсей и за ужином он спросил меня: «если мы выйдем из федерации дзю-до, ты к нам присоединишься?» Сначала, я был «за», но спустя два-три дня понял, что из этого получится переворот, осуществлённый совсем не демократическими методами. В конечном счёте, я не стал в этом участвовать, но вовсе не из конфликта с кем бы то ни было. Скорее, меня смущало то, как всё это было устроено.

Думаю, что в том момент отделение от федерации дзю-до было ошибкой, во всяком случае, в той форме, как это было сделано. Членство в федерации давало нам множество преимуществ. Так или иначе, рано или поздно мы бы обрели независимость, как это произошло с каратэ или в последствии с таэквондо, по отношению к федерации каратэ. Надо было продолжать расти, чтобы со временем спокойно начать свой путь.

Имейте в виду, что когда произошло разделение, я оказался, чуть ли не в одиночестве. Меня окружали молодые преподаватели, у которых в самом лучшем случае были третьи даны, молокососы! Мы образовали федерацию молокососов (*смеётся*)! В техническом отношении мой уровень был повыше, но это было в 82-м, мне был 31 год. Некоторые остались вместе со мной, в частности Луи Клерю и другие. Потом мы обратились к помощи Жака Абея и заложили структуру своей федерации. Пьер Гишар, который занимал пост, не много, не мало, председателя Национальной Технической Дирекции (НТД) по дзю-до обратился ко мне с вопросом, не хочу ли я возглавить НТД по айкидо. Это выглядело так, как будто мне предлагали должность министра. Но, из уважения к моим ровесникам, таким, как, например, Поль Мюллер, я не хотел брать тяжесть всей организации на свои плечи, чтобы выдвинуться на первое место. Хотя, возможно, я напрасно отказался.

Если я сегодня я всё ещё остаюсь лидером FFAAA, то это связано с тем, что практически все руководители Региональных Технических Дирекций, за исключением, может быть, семи или восьми, это мои ученики. Так что я действительно являюсь лидером, но только в этом смысле, поскольку я никогда не хотел занимать никаких официальных должностей. Некоторые меня за это упрекают, потому что, из-за этого в федерации нет чёткой иерархической структуры. Возможно, когда-нибудь что-то изменится, но сейчас дела обстоят именно так, и меня такая ситуация ничуть не беспокоит.

Моя истинная роль заключается в том, чтобы играть по отношению к федерации роль гаранта на международном уровне. Но я не занимаю ради этого никаких должностей. Хотя нет, простите, одна должность у меня всё же есть, я вхожу в состав технической коллегии, правда, никогда не появляюсь на её собраниях. Некоторые меня считают неуправляемым «вольным стрелком».

Удивительно слышать это от Вас!

Но это правда! Если бы я захотел захватить власть, то это было бы несложно: я бы потребовал у руководства федерации бразды правления, пригрозив, что в случае отказа, выйду из её состава, что как Вы понимаете, стало бы серьёзной проблемой.

И, наконец, традиционный вопрос: если ли что-то, что Вы хотели бы сказать нашим читателям?

Да. Только что мы говорили о двух федерациях. Мне очень жаль, что во Франции существуют две федерации, которые, к тому же, не всегда могут найти общий язык. Но мы можем себя успокаивать тем, что их только две! Я бываю в странах,

где может быть по 7-8 федераций. Только что я вернулся из Израиля, где при небольшом количестве занимающихся, 27 разных организаций. Так что всё может быть гораздо хуже, чем у нас...

Я хотел бы выразиться предельно ясно: я всегда испытывал самое большое уважение к Тамуре-сенсею и думаю, что он это знает. Это большой Мастер, который полностью заслуживает признания. Однако я хотел бы, чтобы в будущем между нашими организациями стало больше точек соприкосновения. Если между нами есть различия в понимании техники, подходах или представлении о том, как проводить экзамены, то надо напомнить себе, что мы все занимаемся айкидо и, следовательно, мы стоим на общей основе. Мы должны научиться понимать друг друга. Лично я не ощущаю, что только потому, что кто-то состоит со мной в одной федерации, у меня больше общего с ним, чем с некоторыми членами FFAB (*Французская Федерация Айкидо и Будо, возглавляемая Нобуёси Тамурой – А. К.*).

В той ситуации, которая существует сейчас, мы стараемся делать всё возможное, чтобы управляться с этой системой о двух головах. Если бы я возглавлял FFAAA, то выбрал бы иной поход, что, несомненно, было бы гораздо лучше, однако сейчас я не стою во главе федерации и не предполагаю там оказаться в ближайшем будущем. Так что обе стороны должны проявить желание к взаимодействию, что станет основой для взаимного уважения между занимающимися.

Большое спасибо за то, что Вы поделились с нами своими мыслями. Они дают много пищи для размышлений.